

Фэн Су был плаксивым ребёнком. Любопытный, легко возбудимый и чувствительно отзывчивый, он часто раздражал своего отца, стремившегося сделать из него образец княжеского подражания чуть ли не с пелёнок. Ему запрещалось озорничать и вести себя неподобающе будущему правителю. Фэн У всегда был довольно холоден к своему младшему сыну. Возможно, причиной тому стал удар, нанесённый матерью Фэн Ся — узнав о её беременности молодой князь, действительно, был счастлив. Как бы то ни было, совершённое князем в дальнейшем, будто бы лишило его самой возможности испытывать такие тёплые чувства, как любовь и привязанность. Цин Юань появилась в подходящий момент — если бы не печальные события прошлого, Фэн У не стал бы её даже слушать, наплевав на любое пророчество.

Единственным оплотом спокойствия и любовного понимания для Фэн Су всегда оставалась мать. Сяомин, которой на период взросления сына, было позволено перебраться из гарема во дворец души в нём не чаяла. Всегда готовая распахнуть тёплые материнские объятия, она пела колыбельные и успокаивала, когда отец был слишком строг. И хотя Фэн У считал подобное проявление мягкости недопустимым в воспитании будущего правителя, Сяомин не собиралась его слушать. Не после того, как в нём зародилось то чёрное зерно, посеянное Цин Юань.

Когда по распоряжению отца Ю Линг всерьёз занялся военным воспитанием Фэн Су, Сяомин, по его же приказу, отослала обратно в павильоны гарема. Фэн Су едва исполнилось семь и отлучение от матери вызвало первую серьёзную волну гнева на отца. Пустынное солнце на тренировочной площадке жгло кожу до красных пятен; деревянный ученический меч натирал ладони до кровавых мозолей; песок щипал глаза — и всё это казалось таким ужасным, таким невыносимым, что Фэн Су в горькой обиде тёр глаза до острой рези, до разноцветных мушек, размазывая по щекам что-то рыжее из песка и слёз. И не было больше любящих материнских объятий по вечерам; волшебных колыбельных про караванщиков, пересекающих текущие барханы под светом звёзд; щекотного запаха мыльного корня, пока заботливые руки распутывали непослушные волосы. Был только строгий взгляд отца, которого Фэн Су ненавидел за то, что тот посмел у него отобрать.

— Не стоит плакать перед солдатами. Когда подрастёшь, тебе ещё ими командовать.

Фэн Су злобно бросил деревянный меч в песок. Поджав губы, он обернулся на голос. Фэн Ся смотрел на него из тени возвышающегося персикового дерева, опираясь на деревянную палку выше него раза в два. Он был весь пыльный; лента, перетягивающая волосы такого же медного оттенка, как у него, небрежно съехала на бок; бронзовый загар растекался по щекам, а на губах цвела улыбка.

— Мне всё равно! — Выкрикнул Фэн Су, совершенно по-детски топнув ногой, взметая в воздух клубы песчаной пыли. — Я, может, вообще не хочу быть воином.

Фэн Ся зашагал к нему, важно опираясь на палку как какой-нибудь старец. Тогда их дружба ещё не успела расцвести, напоминая хрупкий бутон, грозящийся зачахнуть от сильного дуновения ветра, но и вражды между ними никогда не было. По правде говоря, на тот момент между ними словно залегала пропасть — даже тренируясь на одной площадке, они словно существовали в разных мирах — Фэн Ся нравилось военное дело, Фэн Су же злился и, может, самую малость завидовал, когда у него всё выходило из рук вон плохо.

— Не хочешь быть воином, не будь, — сказал Фэн Ся, остановившись напротив, — но научись держать оружие. С остальным я смогу тебе помочь. Для этого же и нужен старший брат.

И Фэн Ся протянул ему руку. Мать рассказывала Фэн Су о брате, но никогда не упоминала конкретных причин, почему у него, например, не было личных покоев во дворце. Она всегда отзывалась о нём тепло, а у Фэн Су совсем не было друзей и ему очень хотелось обзавестись хотя бы одним. Протянутая рука, замерев в воздухе, манила и обещала стать крепким мостом, помогающим преодолеть любые трудности.

Фэн Су ещё раз потёр глаза, зачем-то вытер ладони и ткань пыльных штанов и улыбнулся.

С того дня он больше не был одинок.

Прошедшая неделя со дня наказания казалась Фэн Су мучительной. Отец запретил ему любые визиты в покои брата, пригрозив повторением, если Фэн Су посмеет послушаться. Шли годы, но авторитет отца, каким бы пугающим он ни был, не мог пустить в его душе крепких корней.

День был солнечным, как и любой другой в этой бесконечной пустыне. Казалось, время здесь словно замерло подобно вековым золотым барханам, и вместе с ним замер и Фэн Су — тонул в цепких зыбучих песках, придавленный жаром палящего солнца. Заметив на тренировочной площадке брата, он остановился в тени раскидистого персикового дерева, возвращаясь мыслями к тому дню, к протянутой руке, к приятному чувству обретения чего-то близкого и родного. Они повзрослели, деревянное ученическое оружие заменилось на настоящее, окрепли тела и умы и вместе с этим окрепла и их связь, став нерушимой.

Фэн Ся перебросил копьё, блеснувшее серебром в золоте солнечных лучей. Искусство владения оружием всегда давалось ему легко и Фэн Су нахмурился, когда копьё упало, взрывлив острый лезвием утоптаный песок. Сжав и разжав пальцы, Фэн Ся недовольно посмотрел на собственные ладони — раны зажили, но, очевидно, руки ещё плоховато его слушались.

— Не успел на ноги встать, а уже за своё? — Хмыкнул Фэн Су, подойдя ближе. Перехватив чужую ладонь, он внимательно всмотрелся в неровные линии заживших ожогов — ещё розовые, местами, где жар раскалённого металла был слишком жесток, бугристые свежими шрамами. — Руки так важны для воина. И они снова пострадали по моей вине.

Страшные воспоминания тяжёлым грузом упали на опустившиеся плечи, горькая тошнота подкатила к самому горлу.

— Твоей вины не было ни тогда, ни сейчас, — ответил Фэн Ся, сжав напряжённое плечо брата и слегка наклонив голову в попытке заглянуть в глаза.

Фэн Су покачал головой, поджимая губы и пряча взгляд. Наваждение не отступало. Огонь из детских воспоминаний снова преследовал его, снова дышал в затылок, снова лизал кожу обжигающими рыжими языками.

Дружить с Фэн Ся было легко. Привыкший с раннего детства подстраиваться под любые сложности, он был общителен и улыбчив. Вместе с братом Фэн Су легко давались и тренировки и шалости. В тот день они, как обычно, находились на площадке, но обучаться не было никакого желания. Ю Линг, уставший от их озорной беготни вокруг мишеней, в которые странным образом не попала ни одна стрела, принял волевое решение наказать негодников. Фэн Су было велено найти в хранилище какой-то древний свиток с методиками стрельбы из лука, Фэн Ся же был отправлен отбывать наказание в одиночестве, медитируя в отдельном помещении казарм.

Сам свиток, на самом деле, не имел никакой ценности и уже многие годы пылился где-то под грудой себе подобных. Его поиски могли занять целый день и Фэн Су удручённо плёлся по палящему солнцу, и с каждым шагом совсем недавно весёлое настроение таяло как лёд на раскалённом песке. Почувствовав лёгкий удар каким-то камушком прямо между лопаток, он уже был готов злобно закричать на кого бы то ни было.

— Ся-гэ? Но как ты...?

Фэн Ся озорно приложил палец к губам, призывая не шуметь.

— Выбрался через окно, — шёпотом ответил он, нагоняя брата.

— А если заметят?

— Ой, да больно надо кому-то за мной следить. Давай скорее, вместе же веселее.

Фэн Су просиял. Скучное наказание обещало стать прекрасной забавой.

Хранилище представляло из себя довольно ветхую деревянную постройку, уже на треть ушедшую в недра сыпучего пустынного песка. Ценные свитки в нём не хранились, в него вообще редко заходили, но избавиться почему-то ни у кого не доходили руки. Свитки, погребённые под слоями серой пыли толщиной не меньше, чем в палец занимали почти всё пространство вдоль стен, даже валялись на полу. Воздух, спёртый, сухой и горячий щекотал нос, забивался плотными комками в самое горло.

Огонёк масляной лампы, мерно подрагивая, едва освещал заваленное бумагами помещение. Фэн Ся, держа лампу на уровне груди, нарисовал пальцем на одном из стеллажей двух человечков — один держал меч, второй копьё, почему-то несоразмерно огромное. Посмотрев

на толстый слой пыли на собственном пальце, недолго думая, он мазнул им по носу зазевавшегося брата. Фэн Су звонко чихнул и потревоженные пылинки взметнулись в воздух серыми облачками.

Захламлённое хранилище, ожидаемо, не оказалось весёлым местом. Нужный свиток никак не хотел находиться, а от пыли уже слезились глаза. Масляная лампа предусмотрительно была отставлена подальше и, по правде говоря, толку от неё почти не было. По ощущениям прошло уже несколько часов и усталость постепенно начинала сковывать мышцы. Решив проверить свитки на верхней полке, Фэн Су встал на нижнюю, но ветхая древесина не выдержала — раздался звонкий треск. Падая, Фэн Су попытался ухватиться за соседний шкаф, но лишь повалил на пол очередную гору ветхой бумаги.

— Су-эр! — Воскликнул Фэн Ся, помогая подняться. — Не ушибся?

Фэн Су отрицательно покачал головой и настороженно несколько раз шмыгнул носом. Пахло горьким маслом и тлеющей пылью.

Пахло горелым.

Упавшие свитки разбили лампу, растёкшееся по полу масло вспыхнуло огненной лужей, с невероятной скоростью поглощая пересохшую бумагу, перекидываясь извивающимися языками на ветхие деревянные стеллажи. Казалось, прошли всего лишь секунды, а небольшое помещение почти целиком окрасилось рыжим и алым с отцветами синевы горящих чернил. Пламя было повсюду, оно окружало, норовило озлобленным псом цапнуть за пятки. Воздух, разгорячившись ещё сильнее, лился в горло расплавленным металлом, кружил голову до разноцветных пятен перед глазами.

— Не вдыхай дым! — Кричал Фэн Ся, настойчиво дергая за рукава.

Фэн Су застыл. У него слезились глаза, кровь набатом стучала в висках. Липкий ужас сковал по рукам и ногам, не давая пошевелиться. Сквозь дымный туман, он смотрел, как Фэн Ся, зажав нос рукавом рубашки, отпинавал горящие свитки, пытаясь пробраться к выходу. Ему было так страшно.

Когда выход был совсем рядом, прямо перед ними с треском упала горящая балка. Фэн Су вцепился в спину брата мёртвой хваткой, влага на щеках моментально высыхала, стягивая кожу противной коркой. Тошнило невыносимо, а ноги отказывались слушаться, становясь совсем ватными.

— Я её уберу, но тебе нужно будет выбраться быстро. Хорошо, Су-эр? Слышишь меня?

Фэн Су слышал, но не понимал. Голос Фэн Ся терялся в треске горящего дерева, тонул в мутном дымном мареве. Спустя годы, он до сих пор едва ли помнит, как им удалось выбраться. Но пузырящиеся ожоги на ладонях Фэн Ся, чёрные разводы сажи на щеках и удушающий страх

всё ещё преследуют его в кошмарах.

Когда они оказались снаружи, день уже клонился к закату и солнце рыжело вдали коркой спелого мандарина. Кровь гудела в ушах неистовым водопадом, но даже сквозь этот шум пробивались крики солдат, заметивших густые клубы чёрного дыма, взмывшие в небо.

— Су-эр?! Ты как, нормально? — Фэн Ся, засыпанный пеплом, хрипящий, тряс его за плечо. Фэн Су тошнило и всё ещё было страшно — ему точно не было нормально, но, заметив перед собой окровавленные ладони, он кивнул из последних сил. — Скоро сюда все сбегутся и будет лучше, если никто не узнает, что мы были вместе. Слышишь? Не говори никому.

И Фэн Су не сказал. На пожарище прибежали солдаты, сразу принявшись засыпать бушующее пламя песком. Каким-то образом о случившемся узнала мать — она плакала и всё оглаживала его лицо, трясущимися ладонями. Среди всей этой суеты статный силуэт отца возвышался незыблемой крепостью — он внимательно смотрел на Фэн Су и даже если волнение терзало его, никто не смог бы сказать наверняка.

— Он не пострадал, Ваше Высочество, — послышался спокойный голос совсем рядом. Цин Юань быстро успела его осмотреть. — Огонь не тронул Вашего сына.

И в этот самый миг судьба Фэн Су решилась.

С того дня прошли годы. Воспоминания истёрлись, истрепались как старая кисть для каллиграфии, но огонь в душе Фэн Су продолжал гореть, сжимать горло жгучими путами страха.

Фэн Ся рассказывал всем, что обжёг руки, пока помогал тушить пожар. В суматохе едва ли кто-то мог вспомнить, в какой именно момент он появился. И всё обошлось, и время вновь заструилось песком сквозь пальцы. Но Фэн Су не мог перестать думать, не мог перестать бояться.

Однажды, прогуливаясь по саду, он заметил мать, о чём-то тихо говорящую с Фэн Ся. Притаившись в тених, он подошёл поближе.

— Это ведь был ты? Ты помог а-Су выбраться из огня? — Спрашивала Сяомин и голос её звучал мягким шёлковым переливом. — Ты можешь сказать мне, а-Ся, не нужно бояться.

Фэн Ся молчал, но Сяомин и не требовалось прямого ответа. Она умела читать по спрятанному взгляду, по дрожащим опущенным ресницам, по сжавшимся ладоням с неровными красными пятнами. Присев перед Фэн Ся, она погладила его по щеке.

— Обещай мне, — просила она и, на секунду замывшись, словно боясь быть пойманной на страшном преступлении, продолжила, — обещай мне, а-Хуа, что ты всегда будешь оберегать его. Что ты сделаешь всё, чтобы спасти ему жизнь.

В саду привычно пахло цветущей сливой, бледно-розовые лепестки которой медленно падали к ногам.

Смысл просьбы своей матери Фэн Су смог понять лишь спустя многие годы. И это понимание вновь подняло в его душе волну гнева на отца.

Однажды Фэн У забрал у него мать.

Однажды он заберёт у него и брата.

<http://bllate.org/book/14934/1323645>